E95
1375
автограф

Для отзыва.
„Русское Слово"
Тверская 48.
С. П. Яблоновскому.
Е95—
1375
авторад

О „Лигѣ бережливости".

Сообщеніе Г. С. БУРДЖАЛОВА.

О РОСКОШИ и МОДѢ.

Сообщеніе Н. А. СМИРНОВОЙ.

ИЗДАНІЕ СОЮЗА
„АРТИСТЫ МОСКВЫ—РУССКОЙ АРМІИ и ЖЕРТВАМЪ ВОЙНЫ"
МОСКВА—1916.

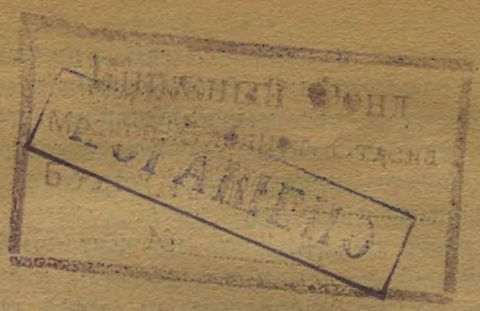
ПОСОБИЕ
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
6940 31.0

ГПИБ России
257988

Федеральное государственное
учреждение культуры
"Государственная
публичная историческая
библиотека России"
257988 2005 г.

МОСКВА.
Типографія Акц. О-ва „Московское Изд-во", Б. Дмитровка, 26.
1916.

E95 1375



О „ЛИГѢ БЕРЕЖЛИВОСТИ“

*Сообщеніе Г. С. Бурджалова *).*

Когда начиналась война, то большинство насъ было увѣрено, что она не можетъ быть продолжительной, такъ какъ здравый смыслъ не мирился съ возможностью вносить разрушенія въ культурный строй европейскихъ государствъ; казалась невѣроятной, не говоря о моряхъ крови,—возможность разрушенія тысячелѣтнихъ памятниковъ исторіи и искусства, но увы... намъ пришлось вскорѣ въ этомъ, съ ужасомъ, разочароваться.

Надвинулись грозныя событія, потрясающія и понынѣ до основанія всю Европу, а такія событія, своимъ ужасомъ и грандіозностью, не могли не повліять и на нашу психику, такъ какъ нельзя, разбираясь во всей современной жизни, во всемъ океанѣ окружающихъ катастрофъ, не почувствовать исключительность переживаемой нами эпохи міровой исторіи, а, благодаря этому, и психологія нашей личной жизни невольно измѣняетъ свой масштабъ и выводитъ насъ изъ рамокъ обывательщины.

Ни одна война у насъ не носила такого всенароднаго характера, никогда еще не было такого общенія, такой прочной связи между фронтомъ и тыломъ, связи не только матеріальнаго характера — въ смыслѣ снабженія фронта,—но и связи чисто духовной, какая, несомнѣнно, существуетъ въ настоящее время.

Слитность и единеніе фронта и тыла дѣлаютъ военно-государственный организмъ крѣпкимъ, стойкимъ, и въ этомъ залогъ организаціи побѣды.

Тамъ—сражающіеся и работающіе на фронтѣ—отдающіе жизнь свою для блага родины—тѣмъ самымъ свято исполняютъ долгъ сбой передъ отечествомъ.

А мы, сидящіе здѣсь въ теплѣ и холѣ, развѣ мы не обязаны сторицей заплатить имъ за это? Развѣ мы, помимо нашихъ прямыхъ обязанностей не должны удѣлить хоть часть своего свободнаго времени на помощь общему дѣлу?

---

*) Оба сообщенія были сдѣланы на собраніи членовъ Союза 26 апрѣля 1916 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
РАЗРѢШЕНО

11.9.26.

Развѣ каждый, находящійся здѣсь, въ тылу, не долженъ задуматься надъ своими гражданскими обязанностями и попытаться примѣнить всѣ свои способности, энергію и иниціативу для разумной организаціи тыла?

Припомните, съ какимъ рвеніемъ и готовностью, въ началѣ войны, московское общество принялось за устройство лазаретовъ и, главное, за уходъ з ранеными и заботы о нихъ... было сознаніе своего долга!..

Не будемъ забывать, что переживаемый нами моментъ исключительно серьезный, а потому всѣ помыслы и стремленія многомилліонной Россіи пусть будутъ направлены къ одной цѣли—добиться во что бы то ни стало, побѣды надъ врагомъ, а для этого надо еще въ большемъ масштабѣ мобилизоватць всѣ общественныя силы, и только тогда можно быть увѣреннымъ въ побѣдѣ!

И потому прежде всего: все, что мѣшаетъ проявленію творческихъ силъ страны,—будь то на фронтѣ или здѣсь, въ тылу,—все это должно быть отброшено.

Съ другой стороны, долгъ каждаго изъ насъ внести часть своего личнаго труда, какъ бы онъ ни былъ незначителенъ, для осуществленія этой идеи организаціи побѣды.

Люди, одаренные иниціативой и средствами для ея осуществленія, пусть работаютъ самостоятельно; не имѣющіе этой возможности, пусть примыкаютъ къ какой-либо изъ общественныхъ организацій, а при желаніи дѣло найдется каждому.

Иной разъ слышатся возраженія: «что же моя маленькая лепта можетъ измѣнить въ современной великой борьбѣ?».

Да, конечно, единичныя, даже большія лепты не особенно измѣнятъ положенія, но, объединенныя, онѣ дадутъ равнодѣйствующую, которая достигнетъ поставленной цѣли.

Иначе, сотни, тысячи людей обременены непосильной работой, а десятки и сотни тысячъ находятся только въ состояніи созерцанія событій, не прилагая своего активнаго участія для ихъ рѣшенія.

Старая истина, что «въ единеніи—сила», а, вѣдь, только подъ такимъ знаменемъ и возможна побѣда.

Въ-третьихъ, въ настоящій моментъ необходимо здѣсь, въ тылу, чтобы не было труда непроизводительнаго, лишняго, а чтобы всѣ согласованныя усилія направлялись къ одной цѣли: снабженіе всѣмъ необходимымъ нашей арміи и разумное, стало-быть, отнюдь не расточительное расходованіе запасовъ страны, чтобы, такимъ образомъ, лишенія арміи, неизбѣжныя въ столь грандіозной войнѣ, были доведены до «минимума».

Несомнѣнно, что, какъ и въ другихъ воюющихъ государствахъ, такъ и у насъ, производительность, кромѣ, конечно, военнаго снаряженія, уменьшилась за время войны—отчасти потому, что закрылось много фабрикъ, попавшихъ въ районъ военныхъ дѣйствій, отчасти потому, что много рабочихъ было призвано, отчасти потому, что на нѣкоторыхъ фабрикахъ обычные станки замѣнены другими, работающими для производства военнаго снаряженія, и отчасти отъ причинъ, связанныхъ со спекуляціей.

Сейчасъ въ этой міровой борьбѣ наступилъ моментъ, когда на ея исходъ начинаютъ вліять не только военно-техническія средства государства, но и наличность запасовъ страны.

Стало быть, если эти запасы не пополнятся въ должной мѣрѣ,— необходимо быть очень экономнымъ въ ихъ использованіи.

Такимъ образомъ, въ настоящее время является для насъ гражданской обязанностью сокращеніе тратъ на нашу личную жизнь, расходованіе на себя возможно меньшаго количества тѣхъ средствъ, которыя составляютъ рессурсы страны: возможно бережное отношеніе ко всему, что создается народнымъ трудомъ, и устраненіе изъ своего обихода всего излишняго, всего, что есть только ненужная роскошь.

Конечно, тутъ рѣчь не объ утрировкѣ идеи бережливости, которая можетъ очень нарушить нормальный ходъ жизни, а въ томъ, чтобы только не тратить и не потреблять ничего «лишняго»; вотъ принципъ: «ничего лишняго», ни въ мелкихъ тратахъ, ни въ пищѣ, ни въ костюмѣ, вообще, ничего лишняго во всѣхъ областяхъ хозяйства и обихода, выѣздахъ, пріемѣ гостей и другихъ условностяхъ нашей городской жизни. Возьмемъ хотя бы такой конкретный примѣръ, какъ писчая бумага. Одна изъ причинъ, что ея уже начинаетъ не хватать, заключается въ томъ, что этотъ продуктъ постоянно тратится съ величайшей расточительностью. Въ дѣлопроизводствѣ большинства учрежденій излишняя трата бумаги вошла въ простой обычай, создала извѣстнаго рода рутину, отъ которой мало еще думаютъ освободиться. Обыкновенно половина посылаемой бумаги остается чистой съ обѣихъ сторонъ, и, такимъ образомъ, являетъ примѣръ совершенно безполезной расточительности, когда милліоны листовъ тратятся безъ всякой пользы. Не далѣе, какъ только въ началѣ этого года спохватились въ клубахъ и перестали сжигать игральныя карты. Необходима строжайшая экономія въ бумагѣ, иначе отсутствіе бережливости еще болѣе усилитъ бумажный голодъ.

А развѣ нельзя сократить излишество въ пищѣ—особенно во время праздниковъ и пріема гостей? Отказаться, хотя бы на время войны отъ множества всевозможныхъ закусокъ, отъ которыхъ ломятся столы!.. и тѣмъ болѣе, что уже слышатся указанія на обостреніе продовольственнаго кризиса, который ставитъ на очередь вопросъ о нормировкѣ продовольствія путемъ введенія карточной системы, о чемъ была рѣчь на засѣданіи членовъ совѣта 20 санитарныхъ попечительствъ и другихъ общественныхъ учрежденій. Какой прекрасный призывъ былъ сдѣланъ Т. Л. Щепкиной-Куперникъ относительно пасхальнаго стола, но, къ сожалѣнію, привычка преклоненія передъ мамоной, кажется, одержала верхъ надъ прекрасной идеей!

А костюмы нашихъ дамъ... Развѣ ихъ мода не идетъ наперекоръ суровымъ упрозамъ жизни...

Почему онѣ, вѣрнѣе, невидимые законодатели ихъ модъ, не находятъ нужнымъ считаться съ исключительнымъ напряженіемъ переживаемаго момента, почему, когда ощущается недостатокъ въ матеріи, онѣ придумываютъ фасоны со множествомъ складокъ, почему, когда недостатокъ въ кожѣ, онѣ носятъ высокіе, чуть не до колѣнъ башмаки...

подорожалъ мѣхъ—стали носить мѣховыя оторочки?.. Что это, какъ не издѣвательство?! Онѣ гордо носятъ перья на своихъ головахъ, но онѣ не хотятъ задуматься, не хотятъ почувствовать всей неловкости щеголять своими нарядами въ серьезное и тяжелое время, переживаемое нашей родиной!

Откажитесь отъ кричащихъ нарядовъ и павлиньихъ украшеній—снимите ихъ и сдѣлайте это, какъ данъ преклоненія предъ горемъ матерей и вдовъ, сыновья и мужья которыхъ отдали для блага родины свою жизнь!..

Хочется думать, что въ этихъ модныхъ излишествахъ болѣе повиненъ пришлый элементъ—бѣженки, чѣмъ наши москвички...

Хорошо еще, если рьяныя послѣдовательницы моды имѣютъ для этого средства, если онѣ лично обезпечены, ну, а если этого нѣтъ... а если нѣтъ, то тогда онѣ становятся въ буквальномъ смыслѣ слова «рабынями моды», а рабство это не только наноситъ ущербъ экономическому благосостоянію семьи, но вызываетъ компромиссы и этическаго характера, не говоря уже объ отвлеченіи интересовъ въ сторону мелкаго тщеславія, зависти и пустыхъ заботъ, а это, врядъ ли, элементы духовнаго развитія!..

Какъ противовѣсъ этой духовной пустотѣ, сейчасъ особенно несвоевременной,—звучитъ голосъ трудящейся русской женщины. Вотъ что она пишетъ:

«Можно ли носить какія-либо украшенія при видѣ этихъ несчастныхъ увѣчныхъ воиновъ? Даже обручальныя кольца! Нѣтъ, ничего не надо, нужно все отдать. Женщины, отдадимъ свои украшенія—онѣ намъ безполезны. Намъ нужна красивая душа. Будемъ украшать ее. Бѣдная трудящаяся женщина Ан. Волкова».

Эта записка была въ кружкѣ въ пользу увѣчныхъ воиновъ вмѣстѣ съ золотымъ обручальнымъ кольцомъ.

Роскошь—это та часть обстановки, въ широкомъ смыслѣ слова, даннаго лица, которая не вызывается нравственно-экономическими интересами общества. Она еще съ древнихъ временъ вызывала суровое осужденіе, индусовъ, грековъ и римлянъ; они продолжаютъ издаваться и евреевъ, индусовъ, грековъ и римлянъ; они продолжаютъ издаваться и въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и достигаютъ особаго развитія въ XVII и XVIII столѣтіяхъ.

Лишь во второй половинѣ XVIII вѣка въ защиту роскоши выступили физіократы.

Воззрѣнія ихъ по этому вопросу, постепенно развиваясь, привели къ тому крайнему мнѣнію, будто роскошь питаетъ бѣдныхъ.

Несомнѣнно, значительное увеличеніе потребленія можетъ временно усилить темпъ хозяйственной жизни и непосредственно поднять заработокъ трудового населенія; однако, столь же несомнѣнно, что ненормальное оживленіе скоро влечетъ за собой упадокъ и раззореніе; исторія даетъ намъ разительные примѣры того, какъ преувеличенное развитіе роскоши служило къ огрубѣнію нравовъ, экономическому обнищанію и усиленной эксплоатаціи массъ со стороны меньшинства. Вмѣстѣ съ

этимъ возникали налоги на роскошь, которыми правительства надѣялись установить скромный и болѣе или менѣе единообразный уклад жизни для каждаго сословія и устранить послѣдствія все сильнѣе сказывающагося противорѣчія между экономическимъ и соціальнымъ положеніями различныхъ классовъ.

Признавать за роскошью способность сглаживать соціальныя неравенства невозможно уже въ виду того общеизвѣстнаго факта, что предметы роскоши утрачиваютъ всю свою привлекательность для богатыхъ людей, какъ только они становятся доступными для людей съ ограниченными средствами, и немедленно замѣняются другими, могущими удовлетворить чувство тщеславія и желаніе блеснуть непроизводительными расходами.

Уродливость роскоши въ этомъ отношеніи можно видѣть по формамъ проявленія такъ наз. моды, которая создаетъ, чтобы разрушать, и держитъ болѣе состоятельные классы въ лихорадочно-напряженномъ состояніи.

Вызывая зависть и подражаніе и въ тѣхъ слояхъ населенія, которые не располагаютъ нужными средствами,—мода порождаетъ то анормальное явленіе, что расходы на предметы роскоши встрѣчаются въ такихъ классахъ, которые не вполнѣ удовлетворяютъ всѣхъ своихъ нормальныхъ потребностей.

Такимъ образомъ, мода есть форма проявленій культурной жизни, поскольку онѣ вызываются не силой необходимости или преданій, а измѣнчивой прихотью дня.

Психологической основой моды является инстинктивная, слабо зависящая отъ сознательной воли, переимчивость, какъ одно изъ проявленій стадности.

Область, гдѣ, главнымъ образомъ, царитъ мода—костюмъ, но нѣтъ, однако, такой формы культурной жизни, вплоть до наиболѣе ходкихъ въ данный историческій моментъ философскихъ ученій или поэтическихъ произведеній,—которая могла бы совершенно избѣжать вліянія моды. Изъ-за нея велась борьба между эпикурейцами и стоиками. Подъ вліяніемъ стоической философіи Сенека, Ювеналъ, Плиній высказывается противъ роскоши. Платонъ вооружается противъ частной собственности и брака, въ надеждѣ, между прочимъ, уничтожить источники роскоши.

Въ средніе вѣка схоластика, выставляя требованіе борьбы человѣка съ матеріальной потребностью, не могла не осуждать роскоши. Возставали противъ нея и Лютеръ, Кальвинъ, Паскаль, Ж. Ж. Руссо.

Ликурговы законы содержатъ даже цѣлую систему нормъ, направленныхъ противъ роскоши въ возведеніи построекъ и въ пищѣ.

Солоново законодательство нормируетъ расходы на одежду, ѣду и при погребеніи.

А теперь уже и въ Государственной Думѣ стали раздаваться голоса противъ той безумной роскоши, которую такъ несвоевременно проявляютъ себѣ дамы, и разрабатываемый тамъ законопроектъ по этому вопросу, имѣетъ въ виду положить предѣлъ расточительности дамъ, которыя и въ настоящее тяжелое время тратятъ громадныя суммы на

свои туалеты. Съ этой цѣлью предполагается ввести контроль надъ книгами портнихъ для привлеченія этихъ книгъ, какъ подсобнаго средства, при обложеніи подоходнымъ налогомъ. Портные и портнихи будутъ обязаны вести точную запись своихъ заказчиковъ съ подробнымъ указаніемъ всѣхъ выполненныхъ заказовъ. Неправильныя записи должны караться громаднымъ денежнымъ штрафомъ и даже тюремнымъ заключеніемъ. Тоже предписаніе предполагается распространить и на всѣ ювелирные магазины.

Возвращаясь къ женскому туалету, который въ бюджетѣ семьи играетъ такую видную роль, надо поставить на первую очередь вопросъ о донашиваніи старыхъ костюмовъ, можетъ быть, слегка передѣланныхъ въ направленіи простоты, не считаясь съ модой. Пусть эта идея будетъ модой, будетъ хорошимъ примѣромъ, хорошимъ тономъ, а не заботы о новой модѣ, хотя бы и простой.

Когда же явится необходимость шить новое платье,—то пусть оно будетъ просто, безъ лишней траты матеріи и кричащаго приклада.

Соотвѣтственно такая же простота—въ шляпахъ и другихъ принадлежностяхъ туалета.

Такимъ образомъ, понизивъ спросъ на излишнія украшенія и, вообще, на предметы роскоши,—тѣмъ самымъ будетъ сокращено ихъ производство, и освободившіяся рабочія силы будутъ направлены на производство другихъ цѣнностей, такъ необходимыхъ странѣ.

Современная мода, не считающаяся съ такими важными послѣдствіями, уже потому не патріотична!

Конечно, доля этой вины падаетъ и на мужчинъ, относящихся или пассивно къ этимъ излишествамъ, или своими восторгами поощряющими ихъ, а не осуждающими эту особенно несвоевременную роскошь и мотовство!

Такимъ образомъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, но въ нѣкоторыхъ областяхъ промышленности уже ощущается голодъ, а конца войны еще не видно,—слѣдовательно, рано или поздно, уже въ силу необходимости, мы все равно придемъ къ сокращенію нашихъ потребностей; такъ разумнѣе не ждать этого времени, а планомѣрно къ нему готовиться, особенно въ продовольственномъ отношеніи, чтобы въ рѣшительную минуту имѣть возможность настоять на своемъ, не склоняясь передъ роковой неизбѣжностью истощенія!

Конечно, можетъ быть, уже своевременно ввести полный общественный контроль надъ спросомъ и предложеніемъ, надъ подвозомъ и потребленіемъ во всей Россіи, который долженъ быть начатъ съ учета потребностей и запасовъ страны.

Но это вопросъ уже государственной важности, и поставить его на очередь пусть возьмутся высшія общественныя и государственныя учрежденія.

Это одинъ путь—путь законодательный. Но есть путь и иной—путь личной инціативы, и вотъ онъ-то и приводитъ насъ къ «Лигѣ бережливости», гдѣ мотивы экономическіе неразрывно связаны съ мотивами моральнаго характера.

Подъ понятіемъ «бережливости», по Смайльсу, подразумѣвается частная домашняя экономія, и предметомъ ея служатъ созданіе и увеличеніе благосостоянія частныхъ лицъ.

Бережливость не есть природный инстинктъ, а выводъ изъ опытовъ, примѣровъ и слѣдствіе предусмотрительности. Люди посредствомъ сбереженій создали цивилизацію міра. Бережливость есть результатъ труда, а результаты цивилизаціи только тогда увеличиваются, когда трудящіеся начинаютъ дѣлать сбереженія.

Бережливость не требуетъ ни необыкновеннаго мужества, ни необыкновеннаго ума, ни сверхъестественной добродѣтели; для нея нужны только здравый смыслъ и сила воли, чтобы не поддаться эгоистическимъ побужденіямъ. Въ сущности, бережливость есть здравомыслящая, будничная дѣятельность, не требующая никакой героической рѣшимости, кромѣ нѣкоторой доли терпѣнія и самоотверженія.

«Начни»,—вотъ ея девизъ, а первое правило практической экономіи, это—«тратить меньше, чѣмъ получаешь», и второе—«веди правильный счетъ всему, что получаешь и что расходуешь».

Чѣмъ болѣе человѣкъ практикуется въ бережливости, тѣмъ легче она ему дается и тѣмъ скорѣе вознаграждаетъ за понесенныя имъ жертвы.

Человѣкъ бережливый умѣетъ обходиться безъ того, что не составляетъ существенной необходимости, и избѣгаетъ всякой безумной расточительности.

Какъ бы дешево ни была куплена вещь, она окажется дорогой, если не нужна; маленькіе расходы ведутъ къ большимъ; покупая вещи, совершенно ненужныя, мы пріучаемся къ расточительности и въ другихъ случаяхъ. Еще Цицеронъ сказалъ, что «не страдать маніей покупать, значитъ, имѣть доходъ».

Человѣкъ совершенствуется, примѣняя бережливость къ дѣлу, въ немъ развивается самопожертвованіе, пріобрѣтается сила характера, ясный взглядъ на вещи, воздержанность, предусмотрительность и способность не поддаваться чувству самоугожденія, обезпечиваетъ комфортъ жизни, устраняетъ заботы и мелочныя тревоги.

Стало быть, бережливость есть духъ порядка въ домашней жизни человѣка, она оберегаетъ счастье многихъ хозяйствъ и, такъ какъ, обыкновенно, на женщинѣ лежитъ обязанность управлять домашнимъ бытомъ, то слѣдовательно, отъ нея въ значительной степени зависитъ и благосостояніе общества.

Я намѣренно подробно остановился на разборѣ этого понятія, потому что несомнѣнно, что если идея эта, какъ элементъ воспитанія входитъ въ обычную жизнь, то теперь является еще болѣе необходимымъ—интенсивнѣе развивать ее и въ подрастающемъ поколѣніи!

Лига эта по своему духу не имѣетъ какого-либо опредѣленнаго руководства, а предоставляетъ каждому послѣдователю этой идеи проводить ее въ жизнь такъ, какъ подскажетъ ему его разумѣніе и тактъ.

[illegible]
[illegible]
[illegible]чается извѣстнымъ значкомъ.

Только пусть сокращеніе личныхъ расходовъ не повліяетъ на преуменьшеніе питанія фронта, потому что борьба тамъ не уменьшается, не уменьшаются ея усилія; такъ не допустимъ и мы преуменьшиться родости для тѣхъ кто давно не знаетъ отдыха, и кто, вѣря въ нашу заботливость о немъ, отстаиваетъ свободу нашей родины и всего человѣчества для водворенія вѣчнаго мира на землѣ.

Конечно, никакихъ большихъ горизонтовъ мы не открываемъ, но призываемъ каждаго хоть немного задуматься надъ всѣмъ этимъ и индивидуально проводить въ жизнь принципъ бережливости, а тогда, вѣроятно, откроются такія возможности, о которыхъ мы и не подозрѣваемъ.

Повторяю, бережливость въ данномъ случаѣ не понимается, какъ явленіе обывательское, т.-е. копленіе денегъ себѣ на черный день, стачекъ и т. п., а какъ явленіе общественное и, какъ таковое, оно преслѣдуетъ интересы не только отдѣльныхъ лицъ, но и интересы болѣе общаго, государственнаго характера.

Во избѣжаніе всякихъ кривотолковъ, надо сказать, что эта экономія совершенно не должна касаться духовныхъ развлеченій, а, наоборотъ, всѣ развлеченія, выявляющія прекрасное въ искусствѣ, должны быть поощряемы, какъ способствующія поддержкѣ бодрости въ обществѣ, и тѣмъ самымъ закаляющія рѣшимость довести борьбу до побѣдоноснаго конца.

Надо только, чтобы идея эта была понята правильно, какъ способствующая, прежде всего, сохраненію запасовъ страны и оберегающая [illegible] силы, какъ духовныя, такъ и матеріальныя, отъ труда непроизводительнаго, и направляющая ихъ на созиданіе питательныхъ запасовъ родины, тѣмъ самымъ помогая организаціи побѣды надъ настойчивымъ и предусмотрительнымъ врагомъ. Допустимъ, что кто-нибудь сказалъ бы: «прекрасно, я буду бережливъ во всемъ, но дальше этого я не пойду»... (я не желаю плоды ея отдавать другимъ), то и это, въ крайнемъ случаѣ, было бы хорошо, потому что то, отъ чего онъ отказался, осталось бы въ странѣ, какъ запасъ, и пошло бы другому, кому оно болѣе необходимо.

Если же онъ сбережетъ деньги, то пусть ихъ помѣститъ въ военный заемъ, тѣмъ самымъ способствуя увеличенію военно-техническихъ средствъ государства.

Конечно, идея бережливости, какъ идея не самодовлѣющая, не создаетъ новыхъ цѣнностей, но, разумно примѣненная во всѣхъ областяхъ нашей повседневной жизни и выполненная милліонами людей,— даетъ громадные запасы питательныхъ силъ страны.

Не надо забывать, что идея эта должна сыграть не меньшую роль [illegible] войны, особенно въ первое время, когда начнется международная экономическая борьба, пока еще новыя нормальныя формы экономики [illegible]

о военномъ займѣ, гдѣ, прямо указано, что «откажитесь отъ ли
если хотите бороться съ дороговизной!». Конечно, это не искл
другого способа борьбы съ дороговизной—путемъ кооперації.

Кромѣ того, отсѣкая все внѣшнее, излишнее, бережливость
досугъ отъ пустыхъ и тщетныхъ заботъ, косвенно способствуя дух
развитію страны.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что идея
ливости—разумна, плодотворна и является, какъ бы регуляторомъ
турной жизни человѣчества въ обычное спокойное время. А, ес
такъ, то не является ли она въ тысячу разъ необходимой въ
грозное и тревожное время, которое мы теперь переживаемъ? Не
закрывать глаза на то еще худшее положеніе, въ какое мы по
если своевременно не примемъ всѣ мѣры для мало-мальски св
существованія.

Больше ждать нельзя! Не касаясь государственныхъ мѣ
тій, мы взываемъ къ чувству долга каждаго гражданина нашего
ства задуматься, наконецъ, серьезно надъ его повседневными обя
стями и очень осторожно относиться къ изсякающимъ средствамъ
и теперь, когда міровая борьба достигаетъ наивысшаго напряж
надо и каждому изъ насъ болѣе, чѣмъ когда-либо, проявленіе
своего передъ родиной также довести до напряженія наивысшаго

Это грозное и великое время, когда вся русская жизнь запеча
чертами чрезвычайной серьезности и трагичности, налагаетъ на
даго гражданина и гражданку долгъ самаго внимательнаго согла
своего личнаго поведенія съ общими задачами страны.

Ст. Милль говоритъ, что «одно изъ важнѣйшихъ преиму
человѣка надъ животнымъ заключается въ его способности дѣйст
за одно съ другими людьми и достигать соединенными силами то
не могло быть исполнено усиліями отдѣльныхъ личностей».

Да, господа, только соединенными силами всѣхъ насъ, жи
въ тылу, мы окажемъ могучую поддержку нашей арміи, а о
дастъ осуществиться величайшимъ стремленіямъ человѣческаго
на благо истинной цивилизаціи!

Заканчивая сообщеніе, позвольте повториться, сказавъ, что
ходимо измѣнить нашу обыденную обывательскую психологію, не время
сидѣть въ своей скорлупѣ, надо встряхнуться и, творя жизнь, горя
интересоваться общественными явленіями, вызванными войной. Надо
убѣдить каждаго, что онъ составляетъ частицу, хотя и небольш
организма цѣлаго, могущаго бороться и проявлять инициативу.
можетъ быть тутъ рѣчи, что пусть будутъ работать другія частиц
буду не дѣятельной, т.-е. въ данномъ случаѣ мертвой... такія ч
отравляютъ организмъ!

У Горькаго «На днѣ» Васька Пепелъ говоритъ: «каждый
чтобы сосѣдъ его совѣсть имѣлъ»...

Вотъ что сказалъ врагъ всякой роскоши, Людовикъ XII: «Пусть лучше придворные смѣются надъ моею бережливостью, чѣмъ народъ плачетъ отъ моей расточительности»!

Возможно, что не усвоившіе сущность нашей идеи, и надъ нами тоже посмѣются, но мы сознательно пойдемъ по намѣченному пути, и онъ приведетъ насъ къ желаннымъ достиженіямъ.

О РОСКОШИ И МОДѢ.

Сообщеніе Н. А. Смирновой.

Соображенія нѣсколькихъ категорій побудили насъ, группу членовъ Союза «Артисты Москвы—русской арміи», поднять свой скромный голосъ противъ роскоши. Я не буду касаться этого большого вопроса во всей его полнотѣ и сложности. Я хочу остановить ваше вниманіе только на одной частности этого вопроса. Я обращаюсь съ призывомъ къ женщинамъ вообще, къ артисткамъ въ частности, отказаться отъ роскоши и позаботиться о томъ, чтобы скромна и проста была ихъ одежда. Первымъ источникомъ такого обращенія было общеморальное чувство, которое больно оскорблялось видомъ роскоши рядомъ съ такъ обостренною нуждою, въ дни, когда родина переживаетъ такія трагическія событія, когда столько разлито кругомъ горя и страданій, когда такъ часть трауръ по павшимъ на поляхъ боевъ, и столько льется слезъ по ушедшимъ мужьямъ, сыновьямъ и братьямъ. Въ дни скорби, въ дни свершенія дѣлъ важнѣйшихъ не наряжаются, не щеголяютъ роскошью праздничныхъ нарядовъ и уборовъ. Уваженіе къ чужому горю, къ чужимъ великимъ переживаніямъ должно удержать отъ того, чтобы являть рядомъ съ ними картину какого-то карнавала, беззаботнаго праздника. А между тѣмъ мы—свидѣтели именно такихъ явленій. Сколько разъ дѣлалось отъ этого мучительно больно душѣ, стонала совѣсть. Изъ этой боли, изъ этой стонущей совѣсти родилась первая мысль о томъ, чтобы мы, женщины, устранились отъ такого недостойнаго, оскорбительнаго праздника, чтобы мы не увеличивали его и заключенной въ немъ обиды тѣмъ, которые на поляхъ битвъ, въ окопахъ, обиды тѣмъ, которые въ титанической борьбѣ за родину и за ея будущее лишились самаго имъ дорогого—своихъ близкихъ, своихъ любимыхъ. Вотъ первый источникъ. Было бы довольно его одного, этихъ моральныхъ соображеній, такъ сказать, душевнаго такта, чтобы была въ самой полной мѣрѣ оправдана мысль отказаться отъ роскоши нарядовъ и утвердить ихъ скромность.

Мысль и чувство, разъ получившія толчокъ, стали работать въ этомъ направленіи, явилась потребность поглубже вникнуть въ то явленіе, которое обижало, которое язвило совѣсть. И, чѣмъ глубже было это вниманіе, тѣмъ больше открывалось основаній уже иного порядка, оправдывавшихъ первыя движенія чувства. Во всей нашей жизни сей-

часъ царитъ дороговизна. Не нужно это доказывать, каждый хорошо знаетъ по личному, каждодневному опыту. Конечно, бороться съ этимъ явленіемъ въ его цѣломъ по силамъ только государству и большимъ общественнымъ организаціямъ. Но и въ распоряженіи каждаго отдѣльнаго лица есть все таки средство нѣкоторой борьбы. Нельзя пренебрегать и этимъ средствомъ, ссылаясь на то, что не вычерпать моря ложкою. Это средство—бережливость. Но тутъ бережливость уже перестаетъ быть добродѣтелью, такъ сказать, личною. Не мои личныя средства должна я беречь, чтобы не давила такъ тяжело дороговизна, должна беречь средства общенародныя. Можетъ быть, Иксу или Игреку и ничего бросить лишнія сотни рублей, истратить на одежду излишне много излишне дорогой матеріи, т.-е. требующей особенно большой затраты производительнаго труда. Но этотъ Иксъ тѣмъ самымъ растрачиваетъ не только свое—онъ растрачиваетъ общее достояніе. Вѣдь чтобы Иксъ нюсилъ столько-то аршинъ шелковой или иной матеріи, столько то всякихъ украшеній, лентъ, пряжекъ, бляшекъ и т. п., нужно, чтобы эти вещи были кѣмъ-нибудь сработаны. Долженъ быть, значитъ, отвлеченъ трудъ отъ производства того, что нужно другимъ, многимъ. Я знаю, вопросы экономическіе—очень сложные, и не мнѣ брать на себя ихъ рѣшеніе. Я и не берусь за это. Но, я думаю, въ примѣрѣ, который я сейчасъ привела, ясно, что личная расточительность въ минуты, какъ тѣ, которыя переживаемъ мы, является ударомъ по общему благосостоянію, что моя роскошь есть въ конечномъ счетѣ лишеніе кого-то другого того, что ему не роскошь, но необходимость, потому что мой спросъ на роскошь и на лишнее отвлекаетъ рабочія руки отъ производства товаровъ болѣе необходимыхъ. Можетъ быть, въ другое время это и не такъ, можетъ быть, въ другое время каждый спросъ расширяетъ полезнымъ образомъ производительность. Но сейчасъ громадное количество рабочей силы отвлечено войною, рабочихъ рукъ въ странѣ не хватаетъ, и потому крайне важно, чтобы имѣющіяся силы не отвлекались отъ производства предметовъ, необходимыхъ странѣ, какъ цѣлому фронту и наиболѣе широкимъ слоямъ населенія. А мы, культивируя роскошь, создаемъ соблазнъ для такого отвлеченія. Пускай даже Иксъ, перейдя къ одеждамъ скромнымъ, сбереженныя тѣмъ деньги оставитъ у себя, все равно, тѣмъ самымъ часть народнаго труда будетъ освобождена для производства, странѣ болѣе нужнаго.

Но я не хочу скрывать,—когда мы призываемъ—будьте скромны, мы непремѣнно думаемъ такъ: у васъ вслѣдствіе этого освободятся деньги, и иногда—деньги очень большія, и вамъ легче будетъ приходить на помощь другимъ, всѣмъ тѣмъ, которые обнимаются понятіемъ «жертвы войны». Естественный порывъ помогать нуждающемуся, страдающему останется не только порывомъ, но перейдетъ и въ дѣло, потому что не будетъ разбиваться о недостатокъ денегъ; получивъ въ свое распоряженіе свободныя средства, вы станете такимъ образомъ добрѣе и щедрѣе.

Роскошь одежды требуетъ не только денегъ, она требуетъ отъ женщины и времени, и вниманія. Сколько уходитъ ихъ на портниху, на обдумываніе всякихъ нарядовъ, на всякія примѣрки и т. д. Люба-

цина скажетъ, что это такъ. А вѣдь сейчасъ столько дѣла, которое ждетъ рукъ и вниманія. Такъ, отнимите это время, это вниманіе, эти руки у тряпья, у вздора, у моды—отдайте ихъ дѣлу нужному и важному, не будьте въ цѣпяхъ того, что такъ вздорно, такъ незначительно, но, свободныя, идите на иную важную работу, какая кому доступна и больше по душѣ. Господа, вотъ уже два года нѣкоторыя изъ насъ работаютъ, какъ умѣютъ, на дѣло помощи Россіи и жертвамъ войны, кто—сестрами милосердія, кто—въ очагахъ, пріютахъ, въ бѣженскихъ квартирахъ, кто—по сбору пожертвованій, по устройству разныхъ благотворительныхъ дѣлъ. Иныя устали, ужъ не хватаетъ силъ работать попрежнему. Нужно, чтобы пришли имъ на смѣну или хоть на помощь другія. Пусть у нихъ освободится время,—и онѣ смогутъ это сдѣлать. А отмѣна роскоши, сокращеніе заботъ о своемъ нарядѣ будетъ освобожденіемъ времени и вниманія. И рать женщинъ, работающихъ на войну, непремѣнно и значительно увеличится.

Господа, не думайте, что я призываю женщину къ пренебреженію своею внѣшностью, къ какому-то костюмному безобразію. Ничуть! Дѣло мое было бы проиграно безповоротно, если бы вопросъ ставился такъ. Но я только прошу васъ подумать, всегда ли модность и дороговизна туалета, все это множество перьевъ, блестокъ, кружевъ, лентъ, вышивокъ, мѣховъ и т. д.,—есть ли это непремѣнное условіе красоты, изящества? Я смѣло говорю—нѣтъ, я смѣло утверждаю, что дешевыя матеріи, что болѣе простые фасоны, а не тѣ, подчасъ уродующіе и смѣшные, которые почему-то вздумалось ввести, какъ законъ, парижской модницѣ и услуживающему ей портному,—что все это не лишитъ васъ возможности быть одѣтыми благородно, красиво, изящно. Я мечтаю о томъ, что, разъ вступивъ на путь освобожденія отъ роскоши и всевластія парижской моды, мы легко придемъ общими усиліями къ выработкѣ такихъ условій, при которыхъ мы будемъ одѣваться и дешево, и красиво, — стоитъ лишь разсѣять этотъ фантомъ—моду. Я увѣрена, что наши художницы и художники, даже наши портнихи, которыя сами порою негодуютъ на нелѣпыя линіи, идущія далеко не ко всѣмъ женскимъ фигурамъ, на всякіе капризы и прихоти парижской моды, что всѣ они придутъ къ намъ помощь въ нашемъ дѣлѣ.

Хотя призывъ къ скромности въ одеждѣ исходитъ отъ актрисъ, но меньше всего къ нимъ можетъ быть обращенъ призывъ къ сокращенію роскоши въ туалетахъ внѣ сцены. Онѣ внѣ сцены роскошью, какъ общее правило, не грѣшатъ, потому что онѣ слишкомъ заняты работою и заботою о туалетахъ для сцены. И отъ этой роскоши необходимо ихъ освободить. Такъ повелось, что туалетъ сталъ играть громадную роль въ нашемъ сценическомъ дѣлѣ, поглощаетъ и массу нашихъ средствъ, зарабатываемыхъ тяжелымъ, напряженно нервнымъ трудомъ, и нашего времени. Кто, сознайтесь, не чувствовалъ порою, что туалетъ—это какое-то наше проклятіе, что это—тягчайшая сторона нашей профессіи. Но я не поднимаю сейчасъ общаго вопроса о гардеробѣ и его роли въ жизни актрисы. Но, хоть на время войны-то, на время совершенно исключительныхъ жизненныхъ условій освободимъ себя отъ кабалы туалету, отъ рабства модѣ, снимемъ съ себя это бремя, чтобы не надры-

жать надъ нимъ свои силы, а отдать ихъ дѣлу поважнѣе, подушевнѣе. Я увѣрена, что, сдѣлавъ это по условіямъ военнаго времени, мы очень скоро поймемъ, что и въ условіяхъ жизни мирной недостойно намъ быть рабами туалета, крѣпостными парижской разорительной моды. И произойдетъ эмансипація, наше раскрѣпощеніе. Вѣдь, въ очень большой мѣрѣ это крѣпостное право держится на недоразумѣніи да на инерціи, на томъ, что некогда хорошенько со всею серьезностью вдуматься. Но разъ начнемъ, разъ сила инерціи будетъ побѣждена, я увѣрена,— то, что держится недоразумѣніемъ, рушится и уже не возстановится. И въ мечтахъ у меня—своя при нашемъ союзѣ мастерская, которая будетъ помогать артисткамъ одѣваться и просто, и дешево, и по-настоящему изящно. Я знаю, это не скоро, не сразу сдѣлается, но я думаю, что трудность этого дѣла все-таки преувеличивается тѣми, которые ссылкою на такія трудности хотятъ парализовать нашу энерію и нашъ порывъ освободиться отъ рабства модѣ.

Такъ начнемъ же теперь и признаемъ, что Парижъ съ его модою намъ не обязательны, будемъ имѣть смѣлость выходить на сцену одѣтыми скромно, недорого и такъ, какъ подсказываетъ нашъ вкусъ, а не чей-то капризъ. Я думаю, за актрисами, за поданнымъ ими примѣромъ пойдутъ и многія другія, какъ шли за нашимъ примѣромъ, когда мы оказывались пропагандистками всѣхъ вычуръ и причудъ моды. Мы освободимъ себя, мы освободимъ другихъ, мы поможемъ такимъ образомъ сбереженію денегъ, и времени, и труда, мы косвенно направимъ нѣкоторыя отрасли нашего производства на пути болѣе странѣ нужные. И мы уничтожимъ этотъ соблазнъ роскоши въ дни великихъ и грозныхъ событій, мы очистимся отъ обиды карнавала во дни траура.

Вотъ очень немногое изъ того, что хотѣла я сказать, обосновывая нашъ призывъ и защищая начинаемое нами дѣло. Я не могу пока сдѣлать никакихъ вполнѣ конкретныхъ предложеній. Но я обращаюсь ко всѣмъ—придите намъ на помощь, принесите и свои соображенія, свои предположенія, указанія. Мы всѣ примемъ къ свѣдѣнію мы во все внимательно вникнемъ, мы всѣмъ, что угодно, воспользуемся, чтобы при нашемъ союзѣ прочно основалась эта ячейка борьбы съ роскошью вообще, съ роскошью женскаго туалета въ частности. Вѣдь, это дѣло—не наше, оно ваше; такъ помогите намъ его сдѣлать получше, понадежнѣе, покрѣпче! Я предвижу и многія возраженія. Я ихъ не разъ слышала въ частныхъ бесѣдахъ. Мы рады выслушать и ихъ. Мы не мнимъ себя не ошибающимися. Можетъ быть, нѣкоторыя изъ возраженій и имѣютъ за собою какую-нибудь правду. Но вся ихъ правда не можетъ поколебать основной мысли и основного чувства: тотъ разливъ роскоши, который теперь,—онъ долженъ быть остановленъ, онъ долженъ быть побѣжденъ, отъ него должна быть освобождена наша жизнь. Этого требуетъ достоинство русской женщины. И русская женщина это сдѣлаетъ.

Дозволено

Адресъ Союза „АРТИСТЫ МОСКВЫ—РУССКОЙ АРМІИ и ЖЕРТВАМЪ ВОЙНЫ“, Москва, Б. Кисловскій пер., 8, тел. 4-79-24.